

Сураз. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Сураз. Василий Макарович Шукшин

Спирьке Расторгуеву – тридцать шестой, а на вид – двадцать пять, не больше. Он поразительно красив: в субботу ходит в баню, пропарится, стащит с недельную шоферскую грязь, наденет свежую рубаху – молодой бог! Глаза ясные, умные... Женственные губы ало цветут на смуглом лице. Сросшиеся брови, как вороньего крыла, размахнулись в капризном изгибе. Черт его знает!.. Природа, тоже иногда шутит. Ну зачем ему? Он и сам говорит: "Это мне – до фени". Ему все фени. Тридцать шесть лет – ни семьи, ни хозяйства настоящего. Знает свое машинничать да к одиноким бабам по ночам шастать. Шастает ко всем подряд, без разбора. Ему это – тоже "до фени". Как назло кому: любит постарше и пострашнее.

– Спирька, дурак ты, дурак, хоть рожу свою пожалей! К кому поперся – к Лизке корявой, к терке!.. Неужели не совестно?

– С лица воду не пить, – резонно отвечает Спирька. – Она – терка, а душевней всех вас.

Жизнь Спирьки скособочилась рано. Еще он только был в пятом классе, а уж начались с ним всякие истории. Учительница немецкого языка, тихая обидчивая старушка из эвакуированных, пристально рассматривая Спирьку, говорила с удивлением:

– Байрон!.. Это поразительно, как похож!

Спирька возненавидел старушку.

Только подходило "Анна унд Марта баден", у него болела душа опять пойдет: "Нет, это поразительно!.. Вылитый маленький Байрон". Спирьке это надоело. Однажды старушка завела по обыкновению:

– Невероятно, никто не поверит: маленький Бай...

– Да пошла ты к... – И Спирька загнул такой мат, какого постеснялся бы пьяный мужик.

У старушки глаза полезли на лоб. Она потом говорила:

– Я не испугалась, нет, я была санитаркой в четырнадцатом году, я много видела и слышала... Но меня поразило: откуда он-то знает такие слова?! А какое прекрасное лицо!.. Боже, какое у него лицо – маленький Байрон!

"Байрона" немилосердно выпорола мать. Он отлежался и двинул на фронт. В Новосибирске его поймали, вернули домой. Мать опять жестоко избила его... А ночью рвала на себе волосы и выла над сыном; она прижила Спирьку от "проезжего молодца" и болезненно любила и ненавидела в нем того молодца: Спирька был вылитый отец, даже характером сшибал, хоть в глаза не видал его.

В школу он больше не пошел, как мать ни билась и чем только ни лупила. Он пригрозил, что прыгнет с крыши на вилы. Мать отступилась. Спирька пошел работать в колхоз.

Рос дерзким, не слушался старших, хулиганил, дрался... Мать вконец измучилась с ним и махнула рукой:

– Давай, может, посадят.

И правда, посадили. После войны. С дружкой, таким же отпетым чухонцем, перехватили на тракте сельповскую телегу из соседнего села, отняли у возчика ящи водки... Справились с мужиком! Да еще всыпали ему. Сутки гуляли напропалую у Спирькиной "марухи"... И тут их накрыла милиция. Спирька успел схватить ружье, убежал в баню, и его почти двое суток не могли взять – отстреливался. К нему подсылали "маруху" его, Верку-тараторку, – уговорить сдаться добром. Шалаболка Верка, тайком, под подолом, отнесла ему бутылку водки и патронов. Долго была там с ним... Вышла и объявила гордо:

- Не выйдет к вам!

Спирька стрелял в окошечко и пел:

Врагу не сдастся наш гордый "Варяг",

Пощады никто не желает!

- Спирька, каждый твой выстрел - лишний год! - кричали ему.

- Считайте - сколько?! - отвечал Спирька. И из окошечка брызгал стремительный длинный огонь, гремело. Потом он протрезвился, смертельно захотел спать... Выкинул ружье и вышел.

Пять лет "пыхтел".

Пришел - такой же размашисто-красивый, дерзкий и такой же неожиданно добрый. Добротой своей он поражал, как и красотой. Мог снять с себя последнюю рубаху и отдать - если кому нужна. Мог в свой выходной поехать в лес, до вечера пластаться там, а к ночи привезти машину дров каким-нибудь одиноким стариком. Привезет, сгрузит, зайдет в избу.

- Да чего бы тебе, Спиренька, андел ты наш?.. Чего бы тебе за это? - суетятся старики.

- стакан водяры.- И смотрит с любопытством.- Что, ничего я мужик.

Пришел Спирька из тюрьмы... Дружков - никого, разъехались, "марухи" замуж повыходили. Думали, уедет и он. Он не уехал. Малость погулял, отдал деньги матери, пошел шоферить. Так жил Спирька.

В село Ясное приехали по весне два новых человека, учителя: Сергей Юрьевич и Ирина Ивановна Зеленецкие - муж и жена. Сергей Юрьевич учитель физкультуры, Ирина Ивановна - пения.

Сергей Юрьевич - невысокий, мускулистый, широченный в плечах... Ходил упругисто, легко прыгал, кувыркался; любо глядеть, как он серьезно, с увлечением проделывал упражнения на турнике, на брусках, на кольцах... У него был необычайно широкий добрый рот, толстый, с нашлепкой нос и редкие, очень белые, крупные зубы.

Ирина Ивановна - маленькая, бледненькая, по-девичьи стройная. Ничего вроде бы особенного, а скинет в учительской плащик, пройдет, привстанет на цыпочки, чтобы снять со шкафа тяжелый аккордеон,- откуда ладность явится, изящность. Невольно засматривались на нее.

Такая-то пара (было им по тридцать - тридцать два года) приехала в Ясное в хорошие теплые дни в конце апреля. Их поселили в большом доме, к старикам Прокудиным.

Первым, кто пришел навестить приезжих, был Спирька, Он и раньше всегда ходил к новым людям. Придет, посидит, выпьет с хозяевами (кстати сказать, Спирька, хоть пил, допьяна напивался редко), поговорит и уйдет.

Было под вечер. Спирька умылся, побрился, надел выходной костюм и пошел к Прокудиным.

- Пойду гляну, что за люди,- сказал матери.

Старики Прокудины вечеряли.

- Садись, Спиридон, похлебай.- Спирька иногда помогал старикам, они любили его и жалели.

- Спасибо, я из-за стола. Дома ваши квартиранты?

- Там.- Старик кивнул на дверь горницы.- Укладываются.

Сураз. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Как они?

- Ничо, уважительные. Сыру с колбасой вот дали. Садись, попробуй?

Спирька качнул головой, пошел в горницу. Стукнул в дверь:

- Можно?

- Войдите! - пригласили за дверью.

Спирька вошел,

- Здравствуйте!

- Здравствуйте! - сказали супруги. И невольно засмотрелись на Спирьку. Так было всегда.

Спирька пошел знакомиться.

- Спиридон Расторгуев.

- Сергей Юрьевич.

- Ирина Ивановна. Садитесь, пожалуйста.

Пожимая теплую маленькую ладошку Ирины Ивановны, Спирька открыто, с любопытством оглядел всю ее, Ирина Ивановна чуть поморщилась от рукопожатия, улыбнулась, почему-то поспешно отняла руку, поспешно повернулась, пошла за стулом.. Несла стул, смотрела на Спирьку не то что удивленная - очень заинтересованная

Спирька сел.

Сергей Юрьевич смотрел на него.

- С приездом,- сказал Спирька.

- Спасибо.

- Пришел попроведать,- пояснил гость.- А то пока наш народ раскачается, засохнуть можно.

- Необщительный народ?

- Как везде: больше по своим углам.

- Вы здешний?

- Здешний. Чалдон.

- Сережа, я сготовлю чего-нибудь?

- Давай! - охотно откликнулся Сережа и опять весело посмотрел на Спирьку.- Вот со Спиридоном и отпразднуем наше новоселье.

- Стаканчик можно пропустить,- согласился Спирька.- Откуда будете?

- Не очень далеко.

Ирина Ивановна пошла в комнату стариков; Спирька проводил ее взглядом.

- Как жизнь здесь? - спросил Сергей Юрьевич.

- Жизнь...- Спирька помолчал, но не искал слова, а жалко вдруг стало, что не будет слышать, как он скажет про жизнь, эта маленькая женщина, хозяйка.- Человек, он ведь как: полосами живет. Полоса хорошая, полоса плохая...- Нет, не хотелось говорить.- А зачем она пошла-то? Сказать старикам, они сделают, что надо.

- Зачем же? Она сама хозяйка. Так какая же у вас теперь полоса?
  - Так-середка на половинке. Ничего вообще-то... - Ну решительно не хотелось говорить, пока она там готовит эту дурацкую закуску. Закурить можно?
  - Курите,
  - Учительствовать?
  - Да.
  - Она по кому учитель?
  - По пению.
  - Что, поет хорошо? - оживился Спирька.
  - Поет...
  - Может, споет нам?
  - Ну... попросите, может, споет.
  - Пойду скажу старикам... Зря она там!
- И Спирька вышел из горницы.

Вернулись вместе - Ирина Ивановна и Спирька, Ирина Ивановна несла на тарелочке сыр, колбасу, сало...

- Я согласилась не делать горячего, - сказала она.
- Хорошо, что согласилась.
- Да на кой оно!.. - чуть не сорвался Спирька на привычное определение. - Милое дело - огурец да кусок сала! Верно? - Спирька глянул на хозяина.
- Тебе лучше знать, - резковато сказал Сергей Юрьевич,

Спирьку обрадовало, что хозяин перешел на "ты" - так лучше. Он не заметил, как переглянулись супруги: ему стало хорошо. Сейчас стаканчик водки, а там видно будет.

Вместо водки на столе появился коньяк.

- Я сразу себе стакан, потом - ша: привык так. Можно?

Спирьке любезно разрешили.

Спирька выпил коньяк, взял маленький кусочек колбасы...

- Вот... - поежился, - Достали слой вечной мерзлоты, как говорят.

Супруги выпили по рюмочке. Спирька смотрел, как вздрагивало нежное горлышко женщины. И - то ли коньяк так сразу, то ли кровь - кинулось что-то тяжелое, горячее к сердцу. До зуда в руках захотелось потрогать это горлышко, погладить. Взгляд Спирьки посветлел, поумнел... На душе захорошело.

- Мечтяк коньячишко, - похвалил он. - Дорогой только.

Сергей Юрьевич засмеялся; Спирька не замечал его.

- Милое дело - самогон, да? - спросил Сергей Юрьевич. - Дешево и сердито.

"Что бы такое рассказать веселое?" - думал Спирька.

- Самогон теперь редко, - сказал он, - Это в войну... - И вспомнились далекие

Сураз. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
трудные годы, голод, непосильная, недетская работа на пашне... И захотелось обо всем этом рассказать весело. Он вскинул красивую голову, в упор посмотрел на женщину, улыбнулся:

- Рассказать, как я жил?

Ирина Ивановна поспешно отвела от него взгляд, посмотрела на мужа.

- Расскажи, Расскажи, Спиридон,- попросил Сергей Юрьевич.- Это интересно - как ты жил.

Спирька закурил.

- Я - сураз,- начал он.

- Как это? - не поняла Ирина Ивановна.

- Мать меня в подоле принесла. Был в этих местах один ухарь. Кожи по краю ездил собирал, заготовитель. Ну, заодно и меня заготовил,

- Вы знаете его?

- Ни разу не видал, Как мать забрюхатела, он к ней больше глаз не казал. А потом его за что-то арестовали - и ни слуху ни духу, Наверно, вышку навели. Ну, и стал я, значит, жить-поживать...- И так же резко, как захотелось весело рассказать про свою жизнь, так-сразу-расхотелось, Мало веселого... Про лагерь, что ли? Спирька посмотрел на Ирину Ивановну, и в сердце опять толкнулось неодолимое желание: потрогать горлышко женщины, погладить.

Он поднялся.

- Мне в рейс. Спасибо за угощение.

- Ночью в рейс? - удивилась Ирина Ивановна.

- У нас бывает. До свиданья. Я к вам еще приду.

Спирька, не оглянувшись, вышел из горницы,

- Странный парень,- сказала жена после некоторого молчания.

- Красивый, ты хотела сказать?

- Красивый, да.

- Красивый... Знаешь, он влюбился в тебя.

- да?

- И тебя, кажется, поскребло по сердцу. Поскребло?

- С чего ты взял?

- По скребло-о.

- Тебе хочется, чтобы поскребло?

- А что?.. Только... не получится у тебя.

Женщина посмотрела на мужа.

- Испугаешься,- сказал тот.- Для этого нужно мужество.

- Перестань,- сказала жена серьезно.- Чего ты?

- Мужество и, конечно, сила,- продолжал муж,- Надо, так сказать, быть в фс ме. Вот он - сумеет. Между прочим, он сидел в тюрьме.

- Почему ты решил?
- Не веришь? Иди спроси у стариков.
- Если тебе нужно, иди спрашивай,
- А что?

Муж вышел к старикам.

Через пять минут вернулся... И с наигранной торжественностью объявил:

- Пять лет! В лагерях строгого режима. За грабеж.

Отсыревший к вечеру, прохладный воздух хорошо свежил горячее лицо. Спирька шел, курил. Захотелось вдруг, чтоб ливанул дождь – обильный, чтоб резалось небо огневыми зазубринами, гремело сверху... И тогда бы – заорать, что ли.

Спирька направился в очередное "логово" – к Нюре Завьяловой.

Стукнул в окно.

- Ну? – недовольно спросила заспанная Нюра, смутно, белым пятном маяча окном.

Спирька молчал, думал про Нюру: один раз, в войну, когда Нюре было двадцать три и она была вдовой с двумя маленькими ребятишками, Спирька (ему тогда шел четы надцатый) ночью сбросил с воза в огород к ней мешок зерна (ехали обозом в город молоть). Нюре стукнул вот в это, кажется, окно и сказал торопливо;

- Найди в огороде, у бани... Спрячь подальше!

А когда через два дня, тоже ночью, пришел к Нюре, она накинулась на него:

- Ты што, Спирька, змей полосатый, в тюрьму меня захотел посадить?! Сам хочешь сытый ходить, а к другим подбрасываешь?..

Спирька опупел.

- Да не себе я, чего ты разоралась-то!
- Кому же?
- Тебе. Им же исть надо! – Про детей Нюриных. – Голодные же сидят...

Нюра заревела коровой, бросилась обнимать Спирьку. Спирька, расстроенный, матерился.

- Ну, и вот!.. Будешь им в ступке толочь да лепешки в золе печь вкуснятина, сил нет...

Вот что вспомнилось вдруг.

- Чего стоишь-то? – спросила Нюра. – Дверь открыта... Стариков не разбуди.

Спирька стоял. Было в его характере какое-то жестокое любопытство: что она сейчас будет делать?

- Спирька!.. Ну, чего ты?

Молчание,

- Иди, что ли?

Молчание.

- Дурак заполошный... Разбудит, а потом начинает... Ну и иди к черту! – Нюра пошла к кровати,

Спирька неслышно прокрался по прихожей избе, где храпели старики Нюрины, и очутился в горнице,

- Чего выкобениваешься-то?

Спирьке нестерпимо стало жаль Нюру... Какого черта, действительно? Лучше не приходите тогда.

- Все, Нюрок, спим.

Через три дня, вечером, Спирька пошел к Прокудиным. Квартирантов не было дома. Спирька побеседовал пока со стариками. Рассказал, что одному солдату явилась земная божья мать...

Пришла Ирина Ивановна. Одна. Свеженькая: внесла в избу прохладу вечерней весенней улицы. Удивилась и, как показалось Спирьке, обрадовалась. Спокойный, решительный, Спирька прошел в горницу.

- Букетик,- предложил он, и подал женщине кроваво-красный пылающий букетик жарков.

- Ах!.. - обрадовалась женщина, - Ах, какие они! Как они называются? Я таких никогда не видела...

- Жарки. - В груди у Спирьки весело зазвенело. Так бывало, когда предстояло драться или обнимать желанную женщину, Он не скрывал любви,- Я вам теперь часто буду такие привозить.

- Да нет, зачем же?.. Это ведь труд лишний...

- Ох,- скокетничал Спирька,- труд! Мимо ездю, их там хоть литовкой коси...- Спирька подумал, что хорошо все-таки, что он красивый. Другого давно бы уж поперли, и все. Он улыбался, ему было легко.

Женщина тоже засмеялась и смутилась, Спирька наслаждался: как в знойный-знойный день пил из ключа студеную воду, погрузив в нее все лицо. Пил и пил - и по телу огоньком разливался томительный жар. Он взял женщину за руку... Как во сне! - только бы не просыпаться.

Женщина хотела отнять руку... Спирька не выпустил.

- Зачем вы?.. Не нужно.

- Почему не нужно? - Все, что умел Спирька, все, что безотказно всегда действовало на других женщин, все хотел бы он обрушить сейчас на это дорогое, слабое существо. Он молил в душе; "Господи, помоги! Пусть она не брыкается!" Он повлек к себе женщину... Он видел, как расширились ее близкие удивленные глаза. Теперь - чтоб не дрогнула, не ослабла рука...

"Господи, мне больше пока ничего не надо - поцелую, и все". И поцеловал. И погладил белое нежное горлышко... И еще поцелова мягкие податливые губы. И тут вошел муж... Спирька не слышал, как он вошел. Увидел, как вскинулась голова женщины и испуг плеснулся в ее глазах... Спирька услышал за спиной насмешливый голос:

- Те же. И муж.

Спирька отпустил женщину. Не было ни стыдно, ни страшно. Жалко было. Такая досада взяла на этого опрятного, подтянутого, уверенного человека... Хозяин пришел. И все у них есть, у дьяволов, везде они желанные люди. Он смотрел на мужа.

- Лихой парень! Ну как, "удалось что-нибудь? - Сергей Юрьевич хотел улыбнуться, но улыбки не вышло, только нехорошо сузились глаза и толстые губы обиженно подражали. Он посмотрел на жену, - Что молчите? Что побледнела?! - Крик - злой, резкий - как бичом стегнул женщину. Шлюха!.. Успела? - Муж шагнул к ней.

Спирька загородил ему дорогу. Вблизи увидел, как полыхают темные глаза его

Сураз. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
обидой и гневом... И еще уловил Спирька тонкий одеколониный холодок, исходящий от гладко выбритых щек Сергея Юрьевича.

- Спокойно,- сказал Спирька.

В следующее мгновение сильная короткая рука влекла Спирьку из горницы.

- Ну-ка, красавец, пойдём!..

Спирька ничего не мог сделать с рукой: ее как приварили к зашивку, и крепост руки была какая-то нечеловеческая, точно шатуном толкали сзади.

Так проволокли Спирьку через комнату стариков; старики во все глаза смотрел на квартиранта и на Спирьку.

- Кота пакостливого поймал, - пояснил квартирант.

Ужас, что творилось в душе Спирьки!.. Стыд, боль, злоба - все там перемешалось душило.

- Пидор, гад, - хрипел Спирька, - что ты делаешь?..

Вышли на крыльцо... Шатун сработал, Спирька полетел вниз с высокого крыльп и растянулся на сырой соломенной подстилке, о которую вытирают ноги.

"Убью",- мелькнуло в Спирькиной голове.

Сергей Юрьевич спускался к нему...

- Вставай.

Спирька вскочил до того, как ему велели... И тотчас опять полетел на землю. И с ужасом и с брезгливостью понял: "Он же бьет меня!" И опять вскочил и хотел скользнуть под чудовищный шатун - к горлу физкультурника. Но второй шатун коротко двинул его в челюсть снизу. Спирьку бросило назад; он почувствовал медь во рту. Опять бросился на учителя... Он умел драться, но ярость, боль, позор, сознания своей беспомощности перед шатунами - это лишило его былой ловкости, спокойствия. Слепая ярость бросала и бросала его вперед, и шатуны работали. Кажется, он ни разу так и не достал учителя. От последнего удара он не встал. Учитель склонило над ним.

- я тебя уработаю,- неразборчиво, слабо, серьезно сказал Спирька.

- Будем считать, что это урок вежливости. Лагерные штучки надо бросать.- Учитель говорил не зло, тоже серьезно.

- я убью тебя,- повторил Спирька, во рту была какая-то болезненная мешанина, точно он изгрыз флакон с одеколоном - все там изрезал и обжег.- Убью, знай.

- За что? - спокойно спросил учитель. - За что ты меня убьешь?.. Подлец.

Учитель ушел в дом, захлопнув за собой дверь, и задвинул железную щеколду

Спирька попробовал встать, не мог. Голова гудела, но думалось ясно. Он знал, как с крыши прокудинского дома - через лаз - можно спуститься в кладовку. Кладовка не запиралась: шпагатная веревочка накидывалась петелькой на гвоздик, и все,- чтоб дверь сама не открывалась. Дверь в избу стариков тоже никогда не запирается на ночь. В горнице запора и вовсе нет. Он потому так хорошо все знал в доме Прокудиных, что сын их, Мишка, был смолоду товарищ Спирьки и Спирька часто бывал и даже ночевал у них. Теперь Мишки не было, но все, конечно, осталось у стариков, как раньше.

С трудом наконец Спирька поднялся, подержался за стену дома... Пошел к реке. Силы возвращались.

Он умыл разбитое лицо, оглядел со спичками костюм, рубашку... Не надо, чтобы мать увидела кровь и заподозрила неладное, когда он станет брать ружье. Ружье можно взять под любым предлогом: ехать с семенным зерном в глубинку, а утром

Сураз. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
посидеть там у озера.

Мать спала уже.

- Ты, Спирька? - спросила она сонным голосом с печки.

- Я. Спи. Мне ехать надо.

- Достань в печке-картошка жареная, в сенцах молоко... Поешь на дорогу-то.

- Ладно, я с собой возьму,- Спирька, не зажигая огня, тихо снял со стены ружье, повозился для близира в сенях... Зашел в избу (ружье в сенях оставил). Стал на припечек, нашел впотьмах голову матери, погладил по жидким теплым волосам. Он, бывало, выпивши ласкал мать; она не встревожилась.

- Выпимши... Как поедешь-то? - Мать с годами больше и больше любила Спирьку, жалела, стыдилась, что он никак не заведет семью - все не как у добрых людей! - ждала, может, какая-нибудь самостоятельная вдова или разведенка прибьется к ихнему дому.

- Ничего, поеду.

- Ну, Христос с тобой.- Мать во тьме перекрестила его.- Потихе хоть ехай-то, а то гоните как чумные.

- Все будет хорошо.- Спирька бодрился, а хотелось скорей уйти и как-нибудь забыть про мать: вот кого больно оставлять в этой жизни мать.

Он шел темной улицей, крепко сжимал в руке тулку. Все хотелось отвязаться от мысли о матери. Не выживет она. Как поведут его, связанного, как увидит... Спирька прибавил шагу. "Господи, дай ей силы перенести",- молил. Он чуть не бежал. А под конец и побежал. И волновался, как вроде не убивать бежал, а - в постель к Ирине Ивановне, в тепло и согласие. Она вставала в глазах, Ирина Ивановна, но как-то сразу и уходила. Губы ее, мягкие, полураскрытые, помнились, но насладишься воспоминанием мешал вкус крови во рту и... одеколонистый холодок с гладких щек Сергея Юрьевича. Холодок этот запашистый почему-то вспоминался сейчас. Спирька бежал и подпевал негромко для бодрости:

Неужели конь вороный

Перекусит удила?

Неужели моя милая...

Дом весь темный, "Так, так, так,- мысленно, скоро говорил сам с собой Спирька. - Берем лестницу... Ставим ее, в душеньку ее... Спокойно". Он благополучно проник в кладовку, прислушался - тихо. Только сердце наколачивает в ребра. "Спокойно, Спиря!" Шпагатинка тоже почти бесшумно лопнула, только гвоздик, спружинив, тоненько тенькнул. Спирька, выставив вперед свободную руку, неслышно прошел сеням, легкими касаниями по стене нашарил дверь. "Так, так..." Склонился, подцеп пальцами низ двери, сколько мог, приподнял ее и дернул на себя. Дверь открыла с тихим приятным вздохом; п-ах. И дальше отошла беззвучно. Пахнуло старушечы жильем, отсыревшим полушубком, теплой печкой, тестом... Вот тут его давеча волок за шкуру. Пронеси, господи,- чтоб старики не проснулись, Страшно стало: что-нибудь сейчас помешает. "Ах, как он меня бил! Как бил!.. Умеет".

Спирька сам удивлялся своей легкости, ловкости. Сам себя не слышал. Нащупал дверь горницы, тоже приподнял ее снизу... Дверь скрипнула. Спирька быстро, берждал, прикрыл ее за собой... Он был в горнице! Во тьме горницы, слабо разбавленной свет уличной лампочки, скрипнула кровать. Спирька нашел на стене выключатель, щелкнул. На него, сидя в кровати, смотрел Сергей Юрьевич. Приподнялась Ирина Ивановна. Сперва уставилась на мужа, потом, от его взгляда,- на Спирьку с ружьем. Безмолвно открыла рот... Спирька понял, что Сергей Юрьевич не спал - очень уж понимающе неподвижно смотрел он своими темными глазами.

- Я предупреждал: я тебя уработаю, - сказал Спирька. Хотел оттянуть курок двустволки, но они были уже взведены. (Когда же взвел?) - Помнишь? Я тебе говорил.

Спирьку не взволновало, что Ирина Ивановна сидит в нижней рубашке, что одна ленточка съехала с плеча и грудка, матово-белая, крепенькая, не кормившая дите вся видна до соска.

Супруги молчали, Смотрели на Спирьку.

- Вылазь из кровати,- велел Спирька.

- Спиридон... тебе же будет расстрел, неужели...

- Я знаю. Вылазь.

- Спиридон! Неужели...

- Вылазь!

Сергей Юрьевич спрыгнул с кровати - в трусах, в майке.

Спирька вскинул ружье.

Сергей Юрьевич мертвенно побледнел...

И тут вдруг закричала Ирина Ивановна, да так ужасно, так громко, неистово, требовательно, так не похоже на себя - такую маленькую, умненькую, с теплыми мягкими губами - как-то уж совсем нечеловечески горько, отчаянно. И свалилась с кровати, и поползла, протягивая руки...

- Не надо! О-о-о-й! Не надо! О-о-й!.. - И хотела схватить за ружье -на коленях - хотела...

Тут Сергей Юрьевич прыгнул на Спирьку, широко расставив руки, И получил удар прикладом в грудь, и свалился.

- Родно-ой!.. Не надо! - выла маленькая женщина. Похоже, что она забыла имя Спирьки.- О-о-й!..

В избе, за дверью, всполошились старики, тоже заорали.

- Не надо!! - кричала женщина, и мотала головой, и все хотела обнять его ног и ползала без трусов - рубашка сбилась ей на спину, она не замечала того - в хотела поймать ноги Спирьки.

Спирька растерялся, отпинывал женщину... И как-то ясно вдруг понял: если сейчас выстрелит, то выстрел этот потом ни замолить, ни залить вином нельзя будет. Если бы она хоть не так выла!.. Сколько, однако, силы в ней!

- Мать вашу!..- заругался Спирька.

Вышел из горницы и пошагал прочь от темного дома. Он как-то сразу вдруг очень устал. Вспомнилась мать, и он побежал, чтоб убежать от этой мысли - о матери. От всяких мыслей, Вспомнилась еще Ирина Ивановна, голенькая, и жалость и любовь к ней обожгли сердце. И легко на минуту стало - что не натворил беды. Господи, как ревела!.. А как бы она потом убивалась над покойным мужем! И опять - мать... Вот кто взвоят-то! Спирька побежал скорее. Прибежал на кладбище, сел на землю. Темно было, Он приладил стволы к сердцу... Дотянулся до курков, Подумал: "Ну!.. Все?!" Пальцы нащупали две холодные тоненькие скобочки...

"Счас толканет", - опять подумал. И вдруг ясно увидел, как лежит он, с развороченной грудью, раскинув руки, глядя пустыми глазами в ясное утреннее небо... Взойдет солнце, и над ним, холодным, зажужжат синие мухи, толстые, жадные. Потом сбегутся всей деревней - смотреть. Кто-нибудь скажет: "Надо прикрыть, что ли". Как... Тьфу! Спирька содрогнулся. Сел. "Погоди-ка, милоч, погоди. Стой, фраер, не суетись! Я тебя спрашиваю: в чем дело? Господи! - отметили. Тебя что, никогда не били? В чем же дело?!"

- В чем дело? - спросил вслух Спирька.- А? - Брезгливо, с опаской отстранил от себя стволы, перехватил ружье, осторожно спустил курки. Глубоко и радостно

Сураз. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

вздыхнул. И заговорил громко, дурашливо, испытывая большое облегчение и радость: – В чем дело, Спиря? А? А-я-я-я-яй! Как же так? Побили мальчика? Побили... Больно, да? Хотел себе в лобик пук!.. Ну и фраер! – Спирька даже засмеялся и схватился за губу: губы треснули от учителява рычага, стало больно, когда засмеялся. – Что ты? Что ты? Что ты? (Разбитый рот выговаривал: "фто ты? фто ты?") Разве так можно? А-я-я-я-яй! Нехорошо. Ну, побили... а ты сразу... стреляться, о-о!

Спирька лег спиной на прохладную землю, раскинул руки... Вот так он завтра лежал бы. Там, где сейчас стучит сердце – Спирька приложил ладонь к груди, – здесь была бы рваная дыра от двух зарядов – больше шапки. Может, загорелся бы, и истлели бы пиджак и рубаха. Голый лежал бы... О, курва, смотреть же противно! Спирька сел, закурил, с наслаждением затянулся. Так торопился засадить в себя эти два заряда, что и покурить напоследок не догадался. Даже те, кого расстреливают, Спирька слышал, просят покурить в последний раз. Вспомнилась маленькая девочка, племянница Спирьки: когда она чувствует, что отцу надоело уже возить ее на горбу, она смешно-просительно морщит мордочку и говорит: "Посений язычок! Ну посений язычок!" Спирька засмеялся, вспомнив девочку. Опять лег, курил, смотрел на звезды; и показалось, что они чуть звенят в дрожи – тонким-тонким звоном; и ему тоже захотелось тихо-тихо, по-щенячьи, поскулить... Он зажмурился и почувствовал, как его плавно, мощно несет земля. Спирька вскочил. Надо что-то делать, надо что-нибудь сделать. "Что-нибудь я сейчас сделаю!" – решил он. Он подобрал ружье и скоро пошагал... сам не зная куда. Только прочь с кладбища, от этих крестов и молчания. Он стал вслух, незло материть покойников:

– Лежите?.. Ну и лежите! Лежите – такая ваша судьба. При чем тут я-то? Вы лежите, а я малость еще побегаяю по земле. Покружусь,

Теперь он хотел убежать от мысли о кладбище, о том, как он лежал там... Он хотел куда-нибудь прибежать, к кому-нибудь. Может, рассказать все... Может, посмеяться. Выпить бы! А где теперь? Как где? А Верка-буфетчица из чайной? Э-э, там же всегда есть! Там, кстати, можно и переночевать. Спирька свернул в переулок.

Вера сперва заворчала: вот – ни днем, ни ночью... Спирька зажег спичку и осветил свое лицо:

– Ты глянь, меня же было не убили, а ты канитель развела.

Вера испугалась. Спирька ихонько засмеялся, довольный.

– Да где эт тебя так?! – спросила Вера.

– В одном месте... Славно уделали?

– Господи, Спирька!.. Добьют тебя когда-нибудь. Где был-то?

– Не скажу. Секрет.

Прошли в Верину комнату. Вера задернула поплотней занавески, зажгла свет. Еще раз оглядела Спирьку... Потрогала теплой ладошкой, пахнущей кремом, горячие ссадины на его лице.

– Ой! – притворно воскликнул Спирька. Опять засмеялся и стал ходить комнате.

Славный это народ, одинокие женщины! Почему-то у них всегда уютно, хорошо. Можно размашисто походить, если не скрипит пол. Можно подумать... Можно, меж делом, приласкать хозяйку, погладить по руке... Все кстати, все умно. Они вздрагива с непривычки и смотрят ласково, пылливо. Милые. Добрые. Жалко их.

Вера нашла бутылку водки. Сходила даже в погребушку, принесла огурцов. Только вернулась испуганная...

– Там у тебя что, ружье, что ли? Я запнулась...

– Ружье. Пусть стоит.

– А зачем ружье-то?

- Да так.

- Спирька... ты чего это?

У Веры был хороший муж, хороший мужик, помер в сорок лет. Что приключилось бог его знает. Рак, наверно.

- Спирька!..

- Аиньки?

- Ты что... воюешь, что ли, бегаешь?

- Воюю, вот - ранили.- Спирька опять засмеялся. Что-то смешно ему было. Хорошо было.

- Вот чудной-то. Может, убил кого?

- Нет. После убью. Потом.

- Спирька, я боюсь. Может, ты натворил чего... тогда и меня... как свидетельницу. Ну тя к дьяволу!

- Все в порядке, дурочка. Чего ты испугалась? Никого я не убил. Меня чуть убили... А мне надо еще придумать, как убить.

- Пей и уходи,- рассердилась Вера.- Уходи, Спирька. Мне только этого еще не хватало.

Спирька посерьезнел.

- Успокойся. Неужели я похожий на такого - невиновных подводить. Что ты? Ты же знаешь меня... Я б никогда не пришел, если б... Брось.

- С ружьем по ночам носится...

Спирька выпил стакан, закусил огурцом. Вера не стала пить.

- Не хочу.

- Почему?

- Не хочу. Напугал ты меня с этим ружьем. Кто избил-то?

- Чужие какие-то. Перестань про это. Не надо.- Вспомнился учитель... Бледный, в трусах. Спирька передернул плечами, прогоняя неприятную, злую мысль. Радости поубавилось.- Ладно, ладно, ладно, торопливо сказал он.- Не надо про это, - И еще налил полстакана, чтоб не успеть подумать еще про учительницу, чтоб не вспомнить ее. Но она вспомнилась - маленькая, полуголенькая, насмерть перепуганная... Все-таки вспомнилась.

Утром Спирька вскочил рано. Оставил ружье у Веры.

- Вечером зайду, возьму.

- А куда сам?

- На работу, куда. Это... не болтай про ружье-то.

- Ну, пошла всем рассказывать: был ночью Спирька с ружьем...

- Умница, Избили меня какие-то нездешние... На тракте. Я хотел догнать с ружьем, не догнал.

Вера недоверчиво смотрела на Спирьку; впрочем, Спирька и не старался особенного казаться правдивым.

- Выпьешь?

- Нет. Будь здорова.

Спирька пошел к учителям. Шел кривыми переулками, по задворкам чтоб меньше встретить людей. Все же двух-трех встретил.

Встретил бригадира колхозного, Илью Китайцева. Илья ехидно, понимающе заулыбался издали:

- Ого! Ноченька была!

Спирька тоже широко улыбнулся, преодолевая боль, которая прокалывала иглами все лицо. Сказал:

- Была, Илюха! Была ноченька. Дай закурить.

- Чего эт?

- Так... Упал. - Стыд, позор... От стыда даже язык онемел, кончик. Тонкая Илюхина ухмылочка резала лезвием по сердцу.- Закурим, что ли?

- Закурим, закурим. Здорово упал-то... Высоко, наверно. Как же эт ты?

- Ну, Илюха,,. бывает-падают. Я вот те счас залепеню, ты тоже упаешь. Что, нет, думаешь?

Илюха перестал улыбаться.

- Чего ты?

- А чего ты губы-то свои распустил? Сразу, курва, ехидничать! Не можешь без ехидства слова сказать, Дай дороги!

Нет, в деревне пока не жить. От одного позора на край света сбежишь. Будут вот так улыбаться губошлепы разные... Ах, учитель, учитель... Вот ведь как научился руками работать! Славно, славно. Хорошо бы тебя ногами к потолку подвесить... Нет, на твоих же глазах жену твою драгоценную... исцеловать, всю, до болячки, чтоб орала. Жестокие чувства гнали Спирьку вперед, точно кто в спину подталкивал. Он не замечал, что опять он торопится. Но он знал, что сейчас не бросится на учителя, нет, Это будет потом... спокойно. Страшно. Это потом.

Вспоминая позже этот утренний разговор с учителями, Спирька не испытывал удовлетворения.

Он явился, как если бы рваный черный человек из-за дерева с топором вышагнул... Стал на пороге. Учитель был уже одет, побрит... как раз с электрической бритвой он и стоял перед зеркалом. Она жужжала около его лица. Учительница, припухшая со сна и от вчерашнего крика, миленькая, беленькая, готовила завтрак. Она тоже замерла с тарелкой в руках.

- Одно предупреждение, - деловито заговорил Спирька. - Что у нас тут случилось - никому ни звука. Старикам сами накажите. Я на время исчезаю с горизонта, Сергей Юрьевич, я тебя, извини, все же уработаю.

- Как это... уработаю? - глупо переспросила Ирина Ивановна,

- Я получил аванс... я его должен отработать.- Не знал Спирька, когда произойдет, но придет он сюда однажды - спокойный, красивый, нарядный - скажет: "Я пришел платить". И что уж это будет за ситуация такая и кто такой будет Спирька, только учитель растеряется, станет жалким. И станет просить: "Спиридон, я был глуп, я прошу прощения..." - "Ну, ну, - скажет Спирька вежливо, - не надо сразу в штаны класть. Тут же женщина... жена ваша, она должна уважать вас"

- Какой аванс? - все никак не могла понять Ирина Ивановна.- У кого взяли?

- Он мне будет мстить. Отомстит,- пояснил учитель,- Хорошо, Спиридон, я принял к сведению.- Учитель взял себя в руки,- Мы никому ничего не расскажем.

- Вот так... Будьте здоровы пока.- Спирька вышел.

"А куда это я исчезаю-то?" - подумал он. Даже остановился. Только теперь четко дошло вдруг до сознания, что он, оказывается, решил уехать.

"А куда, куда?" Но оказалось, что он и это знает: в город Б-ск, что в полсотне ки метров отсюда. Когда он все это решил, он не знал, но в нем это уже жило. И только прирожденная осторожность требовала, чтобы решение еще раз проверилось.

Минуя дом, Спирька пошел в гараж. Там еще пережил веселые глаза шоферов. Злился в душе, нервничал, Взял путевку в рейс подальше и скоро уехал.

Дорогой немного успокоился. Стал думать, Хотел опять породить в своем воображении сладостную картину, какая озарила его, когда он разговаривал утром с учителем: придет он к нему - вежливый, нарядный... Но желанная картина что-то не возникала. Спирька в досаде хотел распалить себя, помочь; ну, ну - придет... "Здравствуйте!" Нет... Не выходит. Противно думать обо всем этом. Его вдруг поразило, и даже отказался так понимать себя: не было настоящей, всепожирающей злобы учителя. Все эти видения; учитель висит головой вниз, или: учитель, бледный, жалкий ползает у него в ногах,- это так хотелось Спирьке, чтоб они, эти картины, стали желанными, сладостными. Тогда бы можно, наверно, и успокоиться, и когда-нибудь так и сделать: повесить учителя головой вниз. Ведь надо же желать чего-нибудь лютому врагу! Надо же хоть мысленно видеть его униженным, раздавленным. Надо! Но Спирька даже заерзал на сиденье; он понял, что не находит в себе зла к учителю. Ее бы он догадался подумать и про всю свою жизнь, он тоже понял бы, вспомнил бы, что вообще никогда никому не желал зла. Но он так не подумал, а отчаянно сопротивлялся, вызывал в душе злобу.

"Ну, фраер!.. тряпка, что ж ты? Тебя метелят, как тварь подзаборную, а ты... Ну! Ведь как били-то! Смеясь и играя... Возили. Топтали. Что же ты? Ведь над тобой смеяться будут. И первый будет смеяться учитель. Что же ты? Ведь. ни одна же баба к себе не допустит такую слякоть". Злости не было.

А как же теперь? На этот вопрос Спирька не знал, как ответить. И потом, в течет дня, он еще пытался понять: "Как теперь?" И не мог.

Вообще, собственная жизнь вдруг опостылела, показалась чудовищно лишенной смысла. И в этом Спирька все больше утверждался. Временами он даже испытывал к себе мерзость. Такого никогда не было с ним. В душе наступил покой, но какой-то мертвый покой, такой покой, когда заблудившийся человек до конца понимает, что он заблудился, и садится на пенек. Не кричит больше, не ищет тропинку, садится и сидит, и все.

Спирька так и сделал: свернул с дороги в лес, въехал на полянку, заглушил мотор, вылез, огляделся и сел на пенек.

"Вот где стреляться-то,- вдруг подумал он спокойно.- А то-на кладбище припорол. Здесь хоть красиво",

Красиво было, правда. Только Спирька специально не разглядывал эту красоту, а как-то сразу всю понял ее... И сидел. Склонился, сорвал травинку, закусил ее в зубах и стал слушать птиц. Маленькие хозяева лесные посвистывали, попискивали, чирикали где-то в кустах. Пара красавцев дятлов, жуково-черных, с белыми фартучками на груди, вылетели из чащи, облюбовали молодую сосенку, побегали по ней вверх-вниз, помелькали красными хохолками, постучали, ничего не нашли, снялись и низким летом опять скрылись в кустах.

"Тоже - парой летают",- подумал Спирька. Еще он подумал, что люди завидуют птицам... Говорят: "Как птаха небесная". Позавидуешь. Еще Спирька подумал, что, наверно, учитель выбросил те цветы, которые Спирька привез учительнице, наверно, они лежат под окном, завяли... Красивые такие цветочки, красные. Спирька усмехнулся, Пижон Спиря... Здесь тоже есть цветочки. Вон они: синенькие, беленькие, желтенькие... Вон саранка цветет, вон медуница... А вон пучка белые шапки подняла вверх. Спирька любил запах пучки. Встал, сорвал тугую горсть мелких белых цветочков, собранных в плотный, большой, как блюдце, круг. Сел опять на пенек, растер в ладонях цветки, погрузил лицо в ладони и стал жадно вдыхать прохладный, сыровато-терпкий, болотный запах небогатого, неяркого

Сураз. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
местного цветка. Закрыв ладонями лицо и так остался сидеть. Долго сидел
неподвижно. Может, думал, Может, плакал...

...Спирьку нашли через три дня в лесу, на веселой полянке, Он лежал, уткнувшись
лицом в землю, вцепившись руками в траву. Ружье лежало рядом. Никак не могли
понять, как же он стрелял? Попал в сердце, а лежал лицом вниз... Из-под себя
как-то изловчился.

Привезли, схоронили.

Народу было много. Многие плакали...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!